

Павлу к 89-летию

ЛАРИСА ВОЛЬПЕРТ

СЕМЬ ДНЕЙ В ДЕРПТЕ

Пьеса в семи картинах

Тарту 2011

Лариса Вольперт

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Студенческий трактир «У белого быка».. На переднем плане два столика. За правым два бурша играют в карты. Входит Вульф. У него за спиной бутафорные сапог и крендель.

Вульф. Ein! (Показывает сапог.) Zwei! (Показывает крендель.) Drei! (Меняет их местами. Хохот.)

2-й бурш. Утром фрау Мюллер натянет чепец, выглянет в окошко... а на вывеске... (Хохот.)

1-й бурш. Медики зимой похлеще отмочили. Бал новогодний... вдруг перед профессорской дочкой привидение. Простыня распахнулась... с барышней обморок. (Хохот.)

2-й бурш. Привидение потом двое суток в карцере отсидело. Все стены стихами расписало. Кажется, Яак Петерсон.

1-й бурш. Да ты что? Это Мартин Пеэтерсон. Яак не медик, он — с философского... его на бал на аркане не затащишь. Никола клянется, что стихи его — чистая музыка, хоть специально ради него эстонский изучай. Но на стенах не пишет.

Вульф. Оба они, и Яак и Никола на Шиллере помешались. А вот и он! (Входит Языков и приветствует компанию уморительным поклоном. Хохот.)

1-й бурш. Профессор Крууль!

2-й бурш. Копия!

Вульф. Точно он... старый подагрик! Господа! В честь Никола его бессмертное творение. (Запевает, и бурши подхватывают «Нелюдимо наше море»...)

Я з ы к о в . Не то, Алексей... не тот настрой. (*Затягивает «Крамбамбули», все поют вместе с ним.*)

В у л ь ф (*Языкову*). Выпьем?

Я з ы к о в . Грогу!

Они садятся за второй столик.

В у л ь ф . Тут о твоём друге спорили, Яаке, мол, он на карнавале неприличный фортль выкинул.

Я з ы к о в . Исключено. Не тот характер. Да и занят: статью про эстонские гласные пишет. Он ведь Рижскую гимназию кончил. Знает древние языки, английский и русский.

В у л ь ф . Как он?

Я з ы к о в . Не проходит кашель. И температурит! Я уж Машу попросил: пусть Мойер посмотрит, тот, вроде бы, пообещал...

Амалия приносит грог.

1-й бурш. За стройную талию фрау Амалии!

Все чокаются. Бурши продолжают играть.

Я з ы к о в (*оглядываясь*). Как дела?

В у л ь ф (*вынимает записку*). Адреса: Рига, Кенигсберг, Гамбург.

Я з ы к о в . Ай да Филя! Ай да философ! В Ригу как раз и Яаку надо, там у него отец звонарем.

В у л ь ф . Он эстонец?

Я з ы к о в . Отец немец, мать — эстонка (*еще раз оглядывает*) Не тяни... чего нет?

В у л ь ф . Нет коляски и костюма... Яак зипун уже отыскал.

Я з ы к о в . Коляску раздобудем.

В у л ь ф . А с костюмом — придумал! Помнишь... мою последнюю авантюру. Знаешь, кем она оказалась? Женой торговца старым платьем. Там и достанем. Прелестное создание!

Я з ы к о в . Завидую. Все у тебя легко, весело и расставаться умеешь красиво.

В у л ь ф . А ты — весь в меланхолии. Забавно. Меня все считают высоко нравственным философом, а тебя — резвым поклонником Амура. А на самом деле?

Я з ы к о в . Наоборот.

В у л ь ф . Ну, что там?

Я з ы к о в . Вчера Протасова плакала: «Воейков каждый день пьян»..

В у л ь ф . Испоганила дочкам жизнь — а теперь плачет.

Я з ы к о в . Мол, придумал — жену на ключ запираешь...

В у л ь ф . Распоясался...

Я з ы к о в . Твердит — так скоро и до побоев дойдет...

В у л ь ф . Саша удивительная — ни стона, ни жалобы.

Я з ы к о в . Что делать будем?

В у л ь ф . Уехать бы ей... хотя бы в Муратово...

Я з ы к о в . Пустое... знаешь, что не отпустит... Старуха говорит: «Тиранствует!»

В у л ь ф . Уж это — твоё словцо, не её. Это тебе все тираны мерещатся. И Яаку, тот «свое» твердит: «Эстляндию царь освободил лишь «наполовину»».

Я з ы к о в . А по-твоему, терпеть? И когда домашних терзают... и когда людей на рынке продают?

В у л ь ф . Домашних — не наше дело. А правопорядок — не нам менять.

Я з ы к о в . Узнаю тебя. Только я терпеть не намерен.
В у л ь ф . Как во Франции хочешь? Робеспьера?
Я з ы к о в . Нет! И в России рабство не всегда было.
Вольность древнее. Воспомни: Новгород, Республика,
вече — и никаких царей!
В у л ь ф . Не боишься Сибири?
Я з ы к о в . Вот и он пишет: «Клянусь Овидиевой тенью,
Языков, близок я тебе»..
В у л ь ф . Вот-вот. Тот был в ссылке, этот — сейчас там,
а ты, значит, на очереди..
Я з ы к о в . Все может быть. Зато в приличной компании
буду. Вот и Яак может загреметь. Он — шепотом
«таиться» не согласен... орет стихами, даже дверь не
прикрыв: «Эсти станет свободной!». Да ведь и ты
ввязался, философ?
В у л ь ф . Не хотел... видит Бог... А все ты... Разве от тебя
отвяжешься... Знаешь, как Пушкин про тебя любит
говаривать: «Языков надежен, как скала»..
Я з ы к о в . Сочиняешь..
В у л ь ф . Добавлю — но и прилипчив, как банный лист.
Я з ы к о в . Правда — так про меня говорил?
В у л ь ф . (шутливо скандируя). «Здравствуй Вульф,
приятель мой! Приезжай сюда зимой...»
Я з ы к о в . (в тон ему). «Да Языков поэта затащи ко мне
с собой...» (Оба смеются.) Одно неладно — как быть с
Базилем?
В у л ь ф . Если Жуковский сам догадаться не может,
пусть дураком помрет... Тоже мне... смесь Дон-Кихота с
манной кашей.
Я з ы к о в . Нельзя. С ним так нельзя.
В у л ь ф . Почему?
Я з ы к о в . Нельзя. Может, растолкуешь ему?

В у л ь ф . Уволь. Твоя затея — ты и расхлебывай.
Я з ы к о в . Ну что я скажу? Вы уж извините, уважаемый
Василий Андреевич, но мы из вас с Мойером дурачков
сделали.
В у л ь ф . Придумаешь, что сказать. Послезавтра имени-
ны Саши, приедут из Тригорского сестры. Смех, гам...
под шумок и скажешь.
Я з ы к о в . Я и идти не хотел. Как вспомню о нем — с
души воротит.
В у л ь ф . Нельзя. Именины. (Поднимается.) Да не
впадай ты в меланхолию, селадон несчастный. Да,
заодно и про Кристьяна Яака Петерсона расскажи, и про
стихи и про кашель. До завтра.

Уходит. Входит Амалия.

1-й б у р ш . За поцелуй — душу заложу!
А м а л и я . Бог накажет за такие шутки!
1-й б у р ш . А Бог как раз и приказал всем людям —
любить друг друга.
А м а л и я . Вы уж скажете, господин студент. (Убирает
стаканы.)

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

*Гостиная в доме Воейковых. В центре — круглый стол.
Слева окно, которое выходит в сад. Справа от него —
дверь на террасу, слева от него — поставленное не-
сколько под углом пианино. За ним в нише стены, скры-*

тый от глаз, шахматный столик с расставленными фигурами. Дверь справа ведет к парадному крыльцу. Полдень. Канун именин Саши. Протасова за столом раскладывает пасьянс. Саша разучивает что-то на пианино.

Настя (*вбегают в комнату*). Екатерина Афанасьевна! Там Марью Андреевну кличут.

Протасова. Скажи: Маша к нам еще не заходила.

Настя. У Пальмов мальчонка простудился... жар сильный.

Протасова (*обращаясь к Саше*). У самой муж профессор, а вся улица лечиться к ней бегают. Вот и Никола пристаёт: пусть попросит мужа «простучать» Яака...

Саша. И мне она нужна. С утра жду. Вейраух прекрасную музыку написал на стихотворение Базиля "Розы рацвѣтают", хотелось бы разучить с ней этот романс. (*Смотрит в окно.*) Да вон она... в саду. Настя, пошли!

Протасова. Саша! Сирени наломайте! Именины. (*Саша и Настя уходят.*) Всем она нужна... для всех улыбка... только не для меня. Как лучше хотела. Муж солидный, заботливый. Думала — время все лечит. Лучше бы Базиль пореже приезжал. Так ведь все просят. Только и слышно: «Жуковский, Жуковский...». Лишь Воейков злится. Наказание Божье. Не забыть бы ему счета подготовить.

Входит Воейков.

Воейков. Сумасшедший дом. Все вверх дном. А вы, Матап, вижу делом заняты... (*Протасова резко собирает*

карты.) Счета бы посмотреть. (*Протасова подает счета.*) Расходов много стало.

Протасова. В Муратове куда просторней жили...

Воейков. Прошу вас о Муратове пореже вспоминать. Гостей назвали. Меня не соизволили и в известность поставить. Может быть, я больше не хозяин в своем доме? Скажите Саше — пошел на заседание Совета. (*Выходит.*)

Входит Маша.

Маша. Добрый день.

Протасова. Маша, тебя искали...

Маша. Знаю. Сейчас забегу к ним.

Протасова. Не очень-то бегай. В твоём положении осторожней надо. Ты спрашивала мужа о Петерсоне? Неужели чахотка?

Маша. Надеюсь — нет. Где та микстура для малышей?

Протасова. На полке...

Обе выходят. Смеясь вбегают Настя, суетливо вытирает пыль, мечется по комнате. За ней входит Саша.

Настя. Ой, что сейчас будет...

Саша. Ну что ты натворила?

Настя. Ой, что сейчас будет!

Входит Протасова.

Протасова. Что за шалость, Настя! (*Объясняет Саше.*) Плясать на кухне вздумала. Сметана об пол! Придумала еще — следы замести. Котенка четырьмя

лапами в сметану — и пустила по дому. (*Саша смеется.*)
Ничего смешного. Невеста уж поди. Чтоб больше этого не было!

Н а с т я . Не буду, Екатерина Афанасьевна. (*Убегает.*)
П р о т а с о в а . Избаловали вы ее. Забыть не можете, что она — твоя молочная сестра. Ее учить надо, а вы шалостям потакаете.

С а ш а (*обнимает ее*). Не сердитесь, мама.

Вбегает Настя.

Н а с т я . Приехали! Приехали!

Убегает. Слышатся приветствия: «Здравствуйте! Soyez bien venus!» Входят Анна и Евпраксия Вульф, Саша, Жуковский, Языков, Вульф.

С а ш а . Как доехали? Как дорога?

З и з и . С приключениями добрались!

А н н а . Колесо сломалось. Думали, ночь придется коротать на дороге.

С а ш а . Quelle horreur! Какой ужас!

З и з и . Смотрим — карета догоняет.

Я з ы к о в (*с комическим ужасом*). Разбойник!

А н н а . Флигель-адъютант граф Строганов. В Ревель катит.

Ж у к о в с к и й (*с шутливым удовлетворением*). Спаситель!

З и з и . Он как на Анюту взглянул — так и обмер.

Ж у к о в с к и й . Разумеется...

А н н а . Зизи!

З и з и . Тут и колесо нашлось... и карета покатилась.

Саша усаживает гостей.

Ж у к о в с к и й . Рассказывайте... да подробней. Как там в Тригорском? Как матушка Прасковья Александровна? З и з и (*обнимает Вульфа*). Алешу заждалась. Насилу отпросились на пять дней.

Ж у к о в с к и й . А как ваш сосед?

З и з и . Пушкин? Он у нас каждый день. Стихи... экспромты... шалости разные...

А н н а . Намедни талию Зизи он измерял, потом свою. И знаете — что вышло?

Ж у к о в с к и й . Боюсь и думать...

З и з и . Одинаковые оказались. (*Общий смех.*) Да, тут всем письма от него. Вам — Василий Андреевич, вам — Никола, тебе — Алеша. (*Раздает письма.*)

Ж у к о в с к и й . А мы сюда Пушкина ждем. Для операции все готово. Он обещал Мойеру — письмом извещать, и тот теперь каждый день ворчит: «Чего он тянет?»

А н н а . Он прошение царю подал — разрешить операцию в Дерпте делать. Вот и ждет ответа со дня на день. И твердит как молитву: «Давно б на Дерптскую дорогу я вышел утренней порой...»

С а ш а . Кажется, тоскует он сильно?

З и з и . Кто? Пушкин? В нашем доме — никогда.

А н н а . Зато в своем — извелся!

З и з и . Право, нет, Анюта...

Ж у к о в с к и й . Право, да, Евпраксия Николаевна. Вот пишет мне: «Спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем»..

С а ш а . Неужели так плохо?

А н н а . Смертельно тоскует...

Вульф. Но и повеселиться умеет. Вот пишет: «Мы же то смертельно пьяны, то мертвецки влюблены» (Смех.)
Саша. Как это у него получается? Тоска и веселье... уныние и радость — и все одновременно...
Жуковский. Так то — Пушкин, Сашенька. А спасение...
Анна. Спасение одно — чернила и перо. Трагедию про Годунова пишет.
Саша. Истинно все на истории помешались. Вот и Никола...
Вульф. Никола еще и на политике, как и его друг Яак... — бредит лишь о будущей свободной Эстляндии, мол, рабство царь лишь «слегка отменил». А Никола так совсем рехнулся: готов он колокол великий, новгородский к себе в гостиную немедля приволочь и там трезвон устроить на всю Русь.
Языков. Стихами заговорил, философ. Тебе бы только тишь да благодать...
Вульф. Философия и искусство. Ради этого только и стоит жить...
Зизи. А здесь будут игры, шарады? Я жмурки страсть как люблю.
Саша. Завтра сыграем.
Зизи. А стихи, экспромты?
Саша. Все будет. У нас ведь тут кругом поэты. И цари на этом студенческом Парнасе — Никола и Яак. (Смех.)
Жуковский. А что смешного? Такие цари, как они, музе истории любезнее иных прославленных монархов.
Вульф. Глядишь — лет через сто...
Языков. А может быть, и двести...
Вульф. Какой-нибудь педант...
Языков. Увы, не Вальтер Скотт...

Вульф. Придумает роман...
Языков. А может быть, и пьесу...
Вульф. О нас... о грешных...
Анна. И так нас размалюет...
Саша. Что мы самих себя...
Все. Во век бы не узнали! (Смех. Голос Протасовой: «Саша, проси всех сюда.»)

Все выходят. Занавес начинает закрываться. В середину со смехом, продолжая какой-то веселый разговор, проходят Жуковский и Языков.

Жуковский. Крылова можно переиначить: «Осел был самых честных правил, но воз и ныне там» (оба смеются).
Языков. Василий Андреевич, знаете, Яак Петерсон о луне дивные стихи сочинил, и романтично и с юмором, так еще никто не писал...
Жуковский. Увы, языка не знаю.
Языков. Можно с подстрочником. В них главное — музыка. Все решают гласные..... как в итальянском, все поется... Только стих свободный... без рифмы. Талант необыкновенный! Но, простите, я хочу о другом... извините... как вам Пушкин о крепости написал?
Жуковский. «Спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем.»
Языков. Так, может, лучше — Гамбургом?
Жуковский. Простите... не понял...
Языков. Пушкин не для операции в Дерпт едет.
Жуковский. Что?
Языков. Он побег готовит.
Жуковский. Да полноте, голубчик! Вы просто

Байрона начитались... гяуры... корсары...
Языков. Какой тут Байрон! Вот... письмо... просит
разузнать о всех пунктах побега.
Жуковскый. Но это — мечтание одно, спасительная
игра.
Языков. Все серьезно до предела. Вульф уже
заграничный паспорт получил. Яак — кучер. Пушкина
— за слугу.
Жуковскый. Тогда ведь и Мойеру надо сказать.
Языков. Ни в коем случае. Не наша тайна. Да и ему
так спокойнее: не замешан.
Жуковскый. А знаете, какой мне диалог с Мойером
сегодня ректор Эверс изобразил. «Господин профессор,
поступили сведения, что вы оказали помощь пострадав-
шему в последней дуэли». — «Да». — «Но деканам стро-
жайше предписано докладывать мне о всех дуэлях». —
«Я дал клятву Гиппократу о сохранении врачебной
тайны. О том, что знает врач Мойер, ничего не известно
декану Мойеру».
Языков. Отлично сказано. Иоганн Филиппович умеет
хранить тайну. Но нельзя.
Жуковскый. Будь по-вашему. Вообще-то замешивать
человека в подобные дела, не объясняя сути, нехорошо.
Но поскольку не отношусь ко всей затее серьезно...
Пушкин и побег... *(Качает отрицательно головой.)* Да
не хмурьтесь вы. Пойдемте лучше к гостям.

Они уходят.

Занавес.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

*Праздничный вечер в доме Воейковых. Именины Саши.
Протасова играет вальс. Гости танцуют. Саша и
Воейков играют в шахматы.*

Саша. Сдавайся, Александр!
Воейков. Зачем торопиться.

К ним подходят Вульф и Языков.

Саша. Мат в три хода!
Языков. Bravo!
Вульф. Красиво! С вас мадригал в честь победитель-
ницы, Александр Федорович.
Воейков. Извольте!

Глуха, нема, слепа, не видишь, не внимаешь:
Твоя душа — в коне,
Твой ум — в слоне,
Хладнокровием противника смущаешь,
Блистаешь и разишь.
Ты больше, чем Кутузов:
Он побеждал, пленял лишь Турок и Французов;
А ты и Русских не щадишь.

Все. Bravo! Bravo!
Саша. Спасибо.
Жуковскый *(тихо)*. Саша, теперь... надо бы жмурки...
для Зизи.
Саша. А теперь жмурки. Александр водит. *(Завязывает
Воейкову глаза и шепчет.)* Поймай Зизи.
Воейков *(ловит Зизи)*. Евпраксия Николаевна. Таких

гибких и изящных пальчиков нет ни у кого.
З и з и . Вы мне льстите, Александр Федорович.
С а ш а . Зизи водит и, как в фантах, дает задания. И
потом — все задания дает она.
В о е й к о в (*Зизи*). Помилосердствуйте...

Зизи ловит Никола...

З и з и . Никола. (*Общий смех*.) Прочесть стихи в честь
виновницы торжества.
Я з ы к о в . А можно — в честь города, где живет винов-
ница торжества?
В с е . Просим! Просим!
Я з ы к о в . «Дерпт». Четыре строчки. (*Смотрит на
Жуковского.*)

Мы здесь творим свою судьбу,
Здесь гений жаться не обязан
И Христа-ради не привязан
К самодержавному столбу.

Ж у к о в с к и й (*тихо Языкову*). Но к России привязан.
З и з и . Никола, выполняйте фант. Стихи в честь
именинницы...
Я з ы к о в (*Саше*). Прошу стихи мои простить, я на
Парнасе школьник юный, Вас не сумели похвалить мои
застенчивые струны...
З и з и . Никола, прошу, серьезно...
Я з ы к о в (*с внезапной серьезностью*).

Забуду ль вас когда-нибудь
Я, вами созданный? Не вы ли
Мне песни первые внушили,

Мне светлый указали путь
И сердце биться научили.

В о е й к о в (*тихо Зизи*). А до того оно не билось... (*Зизи
смеется.*)
В с е . Bravo!

Саша и Языков отходят.

С а ш а (*Языкову*). Спасибо, Никола. Какие стихи! Не
заслужила...
Я з ы к о в . Александра Андреевна, вы же знаете...
С а ш а . Не надо, Никола... слова там мало значат.
Я з ы к о в . Я давно хочу вам сказать...
С а ш а . Поэты всегда придумывали себе вдохновитель-
ницу. Овидий, Данте, Петрарка. Я счастлива быть для
вас Лаурой. (*Отходит.*)
З и з и . То же задание — Василию Андреевичу.
Ж у к о в с к и й . Знаете... лучше слов — музыка. Август
Вейраух передал ноты к моему стихотворению "Розы
расцветают". Прекрасный романс получился.. Может
быть Маша споет?
З и з и . Нет, концерт после чая. Ваша очередь. Ждем
стихи.
Ж у к о в с к и й .

Всегда, всегда разгорячаешь
Ты пламенной своей душой
И сердце и рассудок мой...

В о е й к о в (*Зизи*). Высокий дух. Что-то он еще сегодня
на свой желудок не жаловался. (*Зизи хихикает.*)

С а ш а . Милый крестный, спасибо.
З и з и . Ваша очередь, Александр Федорович...
В о е й к о в . Какой уж прок от скучного супруга...
В с е . Просим! Просим!
В о е й к о в . Моя муза — дама желчная, сами знаете...
Ж у к о в с к и й . Еще бы! Всех осмеял! Но ведь и себя не пощадил...
З и з и . Это в сатире «Дом сумасшедших»? Как там?
З а б ы л а .
А н н а .

Тот Воейков, что Делиля
Столь безбожно исказил,
Истерзать хотел «Эмиля»
И Вергилию грозил...

З и з и . Вспомнила!

Должен быть как сумасбродный
В цепь посажен, в Желтый Дом,
Темя все обрить сегодня
И тереть почаше льдом.

С м е х .

В о е й к о в . Ну так как, Саша? Читать?
С а ш а . Читай, конечно.
В о е й к о в .

Твоя любовь меня и греет и хранит,
Под бурей и грозой во тьме путеводитель
И за минувшее мой с Богом примиритель,
Ты против самого себя мой верный щит.

В с е . Bravo!
Я з ы к о в (*тихо*). Хорошие стихи. Не ожидал.
В о е й к о в (*Саше тихо*). А ты мне ничего не скажешь?
С а ш а . Не пойму тебя... столько в тебе намешано...
В о е й к о в . Во всех намешано...
С а ш а (*показывает на руке синяк*). Я ведь не простила.
В о е й к о в . Крепко бью — крепко люблю. Такое жен-
щины легко прощают...
С а ш а . Это, когда любят...
В о е й к о в . Ты хочешь сказать...
С а ш а . Да. Именно это.
В о е й к о в . Думаешь, твой щелкопер со сладенькими
стишками — ангел? Посмотрела бы ты на него в
тракторе...
С а ш а . Он и в тракторе — человек.
З и з и (*подбегая к ним*). Как в вашем доме хорошо!
В о е й к о в . Приезжайте почаще, Евпраксия Николаев-
на.
З и з и . Алексей, зови нас почаще. Вот и Александр
Федорович приглашает. Вы, Александра Андреевна,
должно быть, самая счастливая женщина на свете...
С а ш а . Конечно, Зизи. Я самая счастливая женщина на
свете.
Я з ы к о в . Прошу прощения, я должен вас покинуть.
(*Идет к дверям.*)
В у л ь ф (*устремляется за ним*). Что случилось?
Я з ы к о в . Дело срочное.
В у л ь ф . Не морочь мне голову!
Я з ы к о в . К черту! Ложь кругом! Ухожу!
В у л ь ф . Куда?
Я з ы к о в . Да хоть в трактор! Там по крайней мере
воздух чище.

Вульф. Не шуми. Пока ты не в трактире. Праздник испортишь.

Языков. Правда важней. Кто-нибудь должен раскрыть глаза.

Вульф. Тебя просили?

Языков. Не твое дело!

Вульф. Нет, мое. Сестры не затем приехали.

Языков. Пусти! *(Уходит.)*

Анна. Что это он?

Вульф. Пустяки. Каприз. Скоро вернется.

Протасова. Прошу всех к столу.

Все выходят. Входит Настя, убирает комнату, открывает окно. За ней, крадучись, входит Воейков, он сначала, как будто играя, ловит ее, потом прижимает к стене.

Настя. Оставьте, Александр Федорович, не надо...

Воейков. Тише ты...

Настя. Пустите... закричу...

Воейков. Поговори у меня...

Настя. Пустите!

Воейков. Сегодня на ночь двери не запирай!

Настя. Пустите!

Воейков. И никому ни слова... поняла?

Настя. Ой, шаги, кажись...

Воейков. Смотри, упрешься... худо будет...

Настя *(плачет)*. Оставьте... Екатерина Афанасьевна меня звали...

Воейков. Слышала, что я сказал? *(Настя всхлипывает.)* Ладно... иди... *(Настя убегает.)*

Занавес.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Гостиная в доме Воейковых. Саша читает, Маша шьет.

Маша. Мне сегодня такой сон снился... Будто мы все, как прежде, в нашей гостиной в Муратове. Веселимся, шарады ставим, счастливые такие... Базиль шуточные стихи читает...

Саша. Какой он был тогда веселый... Где он — там смех... хохот...

Маша. Вдруг человек какой-то входит... лица не видать... всю мебель переставляет, а стулья и кресла выносит. Мы стоим... сесть не на что... Неловко так...

Саша. Не грусти... Кабы я могла тебе сны выбирать!

Маша. И какие бы ты выбрала?

Саша. Светлые такие... чтоб вокруг добро царило. Как ты любишь говорить — Бог чувствовался.

Маша. Милая ты моя. Это не я, это Жуковский так говорит: «Бог открывается нам во всяком добром чувстве.»

Саша. Что это мы сегодня все Базиля вспоминаем.

Маша. Дождь заладил... будто не май, а сентябрь.

Саша. Постой... что ты читаешь? Так и знала, опять «Валери»...

Маша. Вот тут... она мучается во время родов. Густав слышит ее стоны и почти рассудок теряет.

Саша. Но кончилось-то все хорошо. Больше всего страдания причиняют нам несчастья, которые мы ожидаем и которые никогда не произойдут.

Маша. Можно подумать, что ты — старшая, а я младшая, и мне плохо, а тебе — хорошо. Я же знаю, как ты плачешь по ночам.

С а ш а . Не надо, Маша.

М а ш а . Никто и не подозревает, какой у нас ад. Вчера Зизи как восхищалась. Каждый день — пьянство, оскорбления, а при гостях сама добродетель.

С а ш а . Не надо... ты же знаешь... об этом я молчу. Каждому — свой крест.

М а ш а . Мы что-то в уныние впали, а это грех. Я знаю, что делать... есть лекарство: Август принес свой новый романс на стихи Базиля "К Востоку, все к Востоку". Пойдем, я тебе спою. Ручаюсь — оживешь. *(Обе направляются к пианино).*

Вбегают Настя.

Н а с т я . Ой, что было! Языков на Домберге с лошади свалился! Со всего маху!

С а ш а . Ой! *(Сползает со стула.)*

М а ш а . Что с тобой? Настя, воды!

Настя мечется по комнате.

С а ш а . Ничего... прошло... сердце... Настя, объясни толком...

Н а с т я . Не хотела я... простите... не думала...

М а ш а . Перестань хныкать. Объясни толком...

Н а с т я . Алексей Николаевич к нему бросились, а он как мертвый... Не шелохнется. Там у крана полное ведро стояло, так его знакомый, ну, тот, верзила... с длинными волосами... на него все вылил... Тут Николай Михайлович встал и пошел...

М а ш а . Что же ты сразу не сказала, глупая девчонка.

Н а с т я . Обрато вместе идут. Он, хоть и мокрый, а

спорит...

М а ш а . О чем?

Н а с т я . Как всегда... об этом... как его... вече...

М а ш а *(расстегивая Саше ворот, обращаясь к Насте).* Лучше бы твой Языков вовремя экзамены сдавал. Вон сколько долгов накопил. Да и друг его с палкой... тоже... весь в «хвостах».

Н а с т я . Ну и что! Зато Николай Михайлович веселые... *(Убегает.)*

С а ш а . Вылили полведра воды... идет и спорит. Какое счастье!

М а ш а . А ты меня еще уверяла...

С а ш а . Сама себя не понимала, поверь. Только сейчас поняла, как сердце сжало.

М а ш а . Что делать будем?

С а ш а . Уехать мне надо... хоть на время. Себя боюсь...

Вдруг он опять начнет об этом... Машенька! Уехать!

М а ш а . Химеры какие!

С а ш а . Не могу противостоять ему. Наваждение какое-то. Дрожу вся.

М а ш а . Саша!

С а ш а . Уехать! Пока он не заметил, не догадался... Уехать, Машенька!

М а ш а . Некуда тебе ехать.

С а ш а . А в Муратово?

М а ш а . Не отпустит...

С а ш а . Отпустит... уговорю... Не враг же он себе...

М а ш а . Не станешь же ты ему объяснять?

С а ш а . Уже объяснила.

М а ш а . Саша!

С а ш а . Сказала, что не люблю его.

М а ш а . А он?

С а ш а . Обратил в шутку.
М а ш а . Господи! Зачем? На муку идешь.
С а ш а . Не люблю его. И что хуже — не уважаю.
Обманывать не хочу, а уехать имею право.
М а ш а . Не знаю... перед алтарем венчаны...

За дверью крики: «Пришли... сухое оденьте... обогрейтесь».. Саша выходит. Маша снова садится за шитье, что-то напевает, входит Жуковский.

Ж у к о в с к и й (дает лекарство). Время... прими...
М а ш а . Спасибо, Базиль, оставь...
Ж у к о в с к и й . При мне...
М а ш а . Не забуду...
Ж у к о в с к и й . При мне...
М а ш а . Какой ты, Базиль... (принимает лекарство.)
Ж у к о в с к и й . Надоеда.
М а ш а . Как мне от этого сна избавиться?
Ж у к о в с к и й . Опять Муратово?
М а ш а . Каждую ночь. Начинается хорошо, а потом... ужас...
Ж у к о в с к и й . Не надо бояться. У тебя будет девочка... Катенька.
М а ш а . Что?
Ж у к о в с к и й . Катюша... Катрин...
М а ш а . Ты уже и имя придумал...
Ж у к о в с к и й . Такая же тихая и милая, как ты.
М а ш а (смеется). Ну что ты за человек!
Ж у к о в с к и й . Я ее уже люблю, как свою.
М а ш а . Когда поедешь?
Ж у к о в с к и й . Проводим гостей... и поеду.
М а ш а . Обрато — когда?

Ж у к о в с к и й . Постараюсь побыстрей.
М а ш а . Пожалуйста, очень прошу. Твоя помощь может потребоваться. Саше непременно надо в Муратово уехать.
Ж у к о в с к и й . Что за новости? Зачем?
М а ш а . Не спрашивай, Базиль, поверь: в этом единственное ее спасение.
Ж у к о в с к и й . Вот что... От мужа бежать — не дело. Счастье — на небесах. Мы же... терпели?
М а ш а . Терпели... прости.

Уходит чуть не плача. Входит Мойер с нотами.

М о й е р . Знаете... огорчение... у этого философа, поэта, друга Николая... с легкими скверно. Ему надо бы парное молоко и свежее сало. А еще лучше... на юг!
Ж у к о в с к и й . Увы ... для бедного студюоза ... химеры!
М о й е р . Может быть придумаем что-нибудь.. Да, я вам Россини обещал, Василий Андреевич, — раздобыл.
Ж у к о в с к и й . Вот уважили... Спасибо. Возьму в Петербург. А заодно и романсы Августа Вейрауха, там о нем немногие слышали, а композитор удивительный, в песенном жанре — Шуберту не уступит.
М о й е р . Ну, это Вы хватанули, но согласен... композитор хороший. А Вы, значит, нас покидаете?
Ж у к о в с к и й . Надо. Дел много накопилось.
М о й е р . Возвращайтесь побыстрей. Здесь всегда вам рады.
Ж у к о в с к и й . И вы?
М о й е р . Сомневаетесь?
Ж у к о в с к и й . Странное существо человек. Знаю, что не надо возвращаться, а еду. Мечусь, как неприкаянный:

Дерпт — Петербург, Петербург — Дерпт.
М о й е р . Я ведь все понимаю, Василий Андреевич...
Ж у к о в с к и й . Вряд ли, Иоганн Филиппович. Я сам-то себя плохо понимаю. Похоже — и себя, и других обманываю. Написал вот в письме: «Маша — сама поэзия. Судьба прогремела мимо нас мимоходом, но не разбив ничего лучшего: любви к добру, уважения к жизни и веры в прекрасное»... Правда... и не то... не договариваю...
М о й е р . Пишете как о прошедшем, а это — настоящее.
Ж у к о в с к и й . Наверное, вы правы.
М о й е р . Да, человек — существо странное. Вчера Маша исполнила новый романс Вейрауха на ваши слова, мне бы возревновать, а я испытал восторг. Не терзайте себя. Поверьте, я горжусь вашей дружбой.
Ж у к о в с к и й . Спасибо. Взаимно. Не будь вы так великодушны, не ездить мне в Дерпт.
М о й е р . Что вы... Забыл спросить. Как самочувствие?
Ж у к о в с к и й . Да, доктор, не помогла ваша микстура, снова желудок побаливает...
М о й е р . Пойдемте... выпишу вам новое лекарство.

Уходят. Входит Воейков. Садится за шахматный столик. Ставит какую-то позицию. Думает. Входят Языков и Вульф.

В у л ь ф . Как дела?
Я з ы к о в . Так вот. Кучер Яак уже в полной готовности, армяк и картуз раздобыл.
В у л ь ф (оглядываясь). Не шуми. И стены имеют уши.
Я з ы к о в . Ты прав, философ. Осторожность превыше всего.
В у л ь ф . Так все в порядке?

Я з ы к о в . Пожалуй. Значит так. Под вечер хозяин выедет по дороге в Ригу с кучером и слугой. Утром вы будете там.
В у л ь ф . Надеюсь.
Я з ы к о в . А костюм слуги?
В у л ь ф . Костюм есть. Завтра здесь в полдень отдам. (Воейков шелохнулся.) Тихо! Слыхал?
Я з ы к о в . Да нет. Тебе послышалось. Продолжай...
В у л ь ф . Договорим там.

Они уходят.

В о е й к о в . Интересно. Похоже, ребятки балуются серьезно. Хозяин, слуга, кучер. Трио. Хозяин — Вульф. Кучер здешний... среди своих нашли. А вот слуга? Эта персона, может быть, самая интересная. Кто же? Докопаюсь!

Входит Саша, замечает Воейкова, хочет ускользнуть.

В о е й к о в . Саша!
С а ш а . В чем дело?
В о е й к о в . Как ты себя держишь? Этот вертопрах все время трется подле твоей юбки, а ты и уши развесила...
С а ш а . В таком тоне, сударь... (Хочет уйти.)
В о е й к о в . погоди! Ему доверять совершенно нельзя. С полной серьезностью тебе говорю. В своем доме покоя нет!
С а ш а . Вот и отпусти меня в Муратово.
В о е й к о в . Зачем тебе в Муратово?
С а ш а . Извелась здесь. С нервами плохо. И тебе и мне будет лучше.

В о е й к о в . С этим Муратово... как с ума все походили.
С а ш а . Умоляю, Александр! Поверь мне. Это очень
важно для нас обоих.
В о е й к о в . Сестрица в голову вбила? Не бывать этому!
И больше чтобы об этом ни-ни!

Уходит. Входит Языков.

Я з ы к о в . Александра Андреевна, наконец-то я застал
вас одну.
С а ш а . Не подходите, Никола!
Я з ы к о в . Что случилось?
С а ш а . Не подходите!
Я з ы к о в . Вы меня боитесь?
С а ш а . Ничуть я вас не боюсь. Простите... меня ждут
гости. (*Направляется к дверям.*)
Я з ы к о в . Думаете, я о чувствах говорить буду? Совсем
о другом. (*Она останавливается.*) Тут такая ситуация.
Может быть, будет возможность для вас — уехать.
С а ш а . Уехать? Куда? Да говорите же!
Я з ы к о в . За границу.
С а ш а . За границу?
Я з ы к о в . Кристьян Яак Петерсон будет за кучера. Он
ведь деревенский... Если бы вы согласились, все заботы
я с радостью бы...
С а ш а . Это невозможно, Никола. Это совершенно
невозможно.

Уходит. Входит Вульф.

В у л ь ф . Никола, Воейков на меня как-то странно
поглядывает...

Я з ы к о в . Он на всех так поглядывает...
В у л ь ф . Что с тобой, Ни-кола, ни-двора?
Я з ы к о в . Она со мной обращается, как с влюбленным
мальчишкой!
В у л ь ф . Еще один скандал хочешь устроить?
Я з ы к о в . Нет. Я, кажется, начал что-то понимать. Эта
суровость ей не так уж легко дается.
В у л ь ф . А что я тебе твердил?
Я з ы к о в . Я заставлю ее выслушать себя. Вот увидишь!

Занавес.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Гостиная в доме Воейковых. Протасова в углу молится.

П р о т а с о в а . Смилуйся, Господи... пошли им счастье...

Входит Анна.

А н н а . Простите, Екатерина Афанасьевна... (*Хочет
уйти.*)
П р о т а с о в а . Останьтесь, Анна Николаевна, посидите
со мной. А где все? Бросили вас?
А н н а . Зизи пошла с Дерптом прощаться. Влюбилась в
ваш городок, уезжать не хочет.
П р о т а с о в а . Мы все его любим. Здесь могли бы быть
счастливы... не захотел Бог.
А н н а . Не убивайтесь так, Екатерина Афанасьевна.
П р о т а с о в а . Из-за дочек плачу. Маша и Базиль уж так
любили друг друга... истинно — суженые. А я не
разрешила — думала — Богу не угодно.

Анна. Почему?

Протасова. Мы ведь с Базилем брат и сестра сводные. Уж как меня все уговаривали... А я уперлась. Да ведь не просто было... Мать-то у него... знаете, кто была — пленная турчанка. Кто бы решился? И не богат. Было у него именье — так он Саше в приданое отдал.

Анна. Вот он какой...

Протасова. Маша тогда совсем извелась: и меня послушаться не хочет, и о нем плачет... А как Воейков в семью вошел — тут ей и вовсе житья не стало...

Анна. А с виду такой обходительный...

Протасова. Вот-вот... точно... «обходительный».. Всех в доме «обошел».. Мне стихи посвящал, с три короба о наследстве наплел, я и отдала за него Сашу.

Анна. Кто же его в дом ввел?

Протасова. Да Базиль и ввел. Он ему и место профессора здесь выхлопотал. А как сюда переехал — никакого житья не стало. Машу — со свету сживать... Базиль ее сам просил принять предложение Мойера... другого выхода не было.

Анна. А Саша?

Протасова. Не спрашивайте... и говорить не хочется...

Анна. Не знать — так не поверишь. Кажется — такая счастливая женщина.

Протасова. Умеет держаться. Характер. Вся в меня. Мне-то не на пользу пошло. Лучше бы — помягче была. Казалось — все понимаю... всю правду знаю... а вышло — загубила им жизнь. *(Плачет.)*

Анна. Не горюйте, Екатерина Афанасьевна, Бог даст, изменится все...

Протасова. Вряд ли. Теперь один удел — терпеть. Вернулись, кажется, с прогулки. Пойдем к ним.

Уходят. Входит Маша. За ней — Мойер.

Мойер. Маша!

Маша. Что с тобой?

Мойер. Только что новому попечителю, князю Ливену, представляли профессоров. Знакомься, он многим вручал какую-то бумагу. Когда подошел Воейков... Нет, не могу...

Маша. Успокойся, сядь...

Мойер. Когда подошел Воейков, князь резко так: «Не желаю вас лицезреть. Все эти доносы, господа, написал на вас этот господин»..

Маша. Ох, ты сам это слышал?

Мойер. К счастью, нет.

Маша. Бедная Саша! Что с ней будет?

Мойер. Как мне теперь с ним держаться? Не могу же я делать вид, что ничего не произошло...

Маша. Умоляю, Иоганн, ради Саши...

Мойер. Попытаюсь.

Маша. Лишь бы Базиль и Никола не узнали... Стыд-то какой. Доносчику никто и руки не подаст. Дом его за три версты обходить станут.

Мойер. Ты права. Это очень серьезно.

Маша. И Саша не должна знать. Она меня все убеждала, что ей в Муратово уехать надо. Теперь вижу сама — необходимо. Но как это сделать?

Мойер. Придумаем что-нибудь... Успокойся... тебе вредно волноваться. Пойдем-ка к себе.

Уходят. Входит Воейков, садится за шахматный столик. Входит Языков, за ним Вульф.

Вульф (*подает сверток*). Вот костюм. Спрячем где-нибудь здесь.

Языков. Посмотрим... все ли в порядке...

Вульф. Что смотреть... обещали все в точности подобрать.

Языков. А все-таки... (*Разворачивает, оба застывают в изумлении.*) Что это такое? На Илью Муромца?

Вульф. Я же ей столько раз повторял — на твой рост.

Языков. Представляю нашего миниатюрного чистюлю эфиопа в лохмотьях верзилы...

Вульф. Живо! Менять или раздобыть новую. Пошли! (*Уходят.*)

Воейков. Так вот кто слуга! Какой же я болван! Сразу не догадался. Эфиоп. Потомок Ганнибала. На операцию к Мойеру едет. Вот это — шанс! Наконец и мне — козырной туз. Не разыграть ли мне эту карту? Заодно и со щелкопером покончить... Но ведь это — Пушкин. Ну и что же? Это все надо обдумать. Главное — не горячиться. Время само решит. (*Уходит.*)

Занавес.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Гостиная в доме Воейковых. За столом Саша, Маша и Протасова разматывают шерсть.

Протасова. Все-таки хлопотно с гостями. Приятно, конечно, но утомительно. Кажись, довольны остались.

Саша. Сколько было шума, смеха — еще сегодня утром. И вдруг тишина. Дом как вымер.

Маша. Хорошо и наедине с собой побыть.

Саша. И с Богом пообщаться...

Маша. Не шути... ты же знаешь...

Саша. Прости... не буду...

Протасова (*Маше*). А твой куда запропастился?

Маша. С Базилем ноты разбирает. Уже поздно. Надо идти...

Протасова. Чего торопиться. Чай, рядом живете.

Саша. Грустно как-то стало. Все унылые такие... А что с Настей — не знаете?

Маша. Я тоже замечаю, сама не своя ходит...

Саша. Заплаканная...

Протасова. Ерунда какая-нибудь...

Маша. Вот уже три дня... по углам прячется...

Протасова. Господи! Ну что вас занимает!

Саша. Может, из Муратова письмо пришло?

Маша. Или приехал кто-нибудь?

Протасова. Никто из Муратова не приезжал.

Саша. Надо крестного попросить... пусть расспросит.

Она его больше всех любит.

Протасова. Заладили какую-то чепуху. Надоело!

Помогите-ка мне лучше мазь положить, плечо ноет.

Все трое уходят. Входит, оглядываясь, Настя с узелком.

Что-то идет складывает в узелок. Незамеченный ею входит Жуковский и с изумлением за нею наблюдает.

Жуковский. Настя!
Настя (*отворачивается*). Ой!
Жуковский. Что с тобой? (*Настя плачет.*) Ну что ты? (*Гладит ее по голове.*) Что случилось? Ты это куда собралась? (*Она плачет навзрыд.*) Обидел кто-нибудь? (*Она кивает.*) Петрушка? Все рядом крутился... (*Она мотает головой. Он вдруг понимает, что дело серьезное, молча ходит по комнате.*) Александр Федорович? (*Настя плачет навзрыд.*) А ты, значит, бежать надумала? И куда же? В Муратово? (*Настя кивает.*) Ну вот что... Поедешь завтра со мной... сначала в Петербург...
Настя (*плача*). Не отпустит...
Жуковский. Отпустит. Пристрою тебя у хороших людей... А потом посмотрим... И никому ни слова. Поняла?
Настя. Поняла...
Жуковский. Иди.

Настя уходит. Жуковский думает, расхаживает, качает головой, уходит за ней. Входит Саша с книгой, садится читать. В окно влезает Языков. В дверях появляется Воейков, отступает в тени за дверь.

Саша. Вы с ума сошли, уходите немедленно, Никола...
Языков. Александра Андреевна, молю, выслушайте... два слова...
Саша. Сейчас же, сию же минуту уходите! Не буду я вас слушать!
Языков. На этот раз вам придется. Не уйду, пока не скажу...
Саша. Вы погубите меня, злой человек!
Языков. Но я люблю вас и не хочу скрывать этого!

Саша (*зажимает уши*). Не слышу... не слышу... не слышу...
Языков. Слышите! (*В левую дверь входит Маша и застывает в изумлении.*) Душа за вас болит... Ваш муж...
Саша. Ни слова о моем муже...
Маша. Никола! Саша! Что здесь происходит?
Языков. Не пугайтесь, Мария Андреевна, просто я хотел сказать Александре Андреевне одну вещь и теперь ухожу. (*Направляется к окну.*)

Воейков входит в гостиную.

Воейков. Почему же через окно?
Языков. Простите, Александр Федорович, я только хотел...
Воейков. Что же, интересно знать, вы хотели?
Языков. Тут такое дело... песню новую...
Воейков. Ах, песню... Какое невинное занятие...
Саша. Ты не понял, Александр...
Воейков. Я отлично понял. Теперь для многих святости домашнего очага вовсе не существует.

На шум входят Жуковский и Мойерн.

Маша. Саша-то при чем? Побойся Бога!
Воейков. А ты со своим Богом... помолчи! Тоже мне... праведница!
Жуковский. Александр! Ты с ума сошел!
Воейков. А! Еще один защитничек...
Жуковский. Он просто не в себе. Не надо принимать всерьез.
Воейков. Это тебя не надо принимать всерьез,

Базиль. Впрочем, незаконнорожденные всегда почему-то больше всех пыжатыся...
С а ш а . Опомнись, Александр!
В о е й к о в . И ты — туда же! В прошлые времена умели неверных жен укрощать... Да я тебя...
Я з ы к о в . Осторожней...
В о е й к о в . Вам бы, господин студент, помолчать! Из-за вас скандал...
Я з ы к о в . Не желаю. Я люблю Александру Андреевну и при всех заявляю, что не знаю более достойной женщины и более верной жены.
В о е й к о в . Извольте сию минуту оставить мой дом...

Языков резко выходит.

С а ш а . Ты пожалеешь об этом, Александр...
В о е й к о в . Кто из нас пожалеет, скоро узнаем...
Ж у к о в с к и й . На-а-астя!
М а ш а . Ее-то зачем звать?
Ж у к о в с к и й (*глядя на Воейкова*). Можно и не звать. Я ее завтра с собой забираю. В Муратово поедет. По родным затосковала. (*Обращаясь к Воейкову*.) Ты не возражаешь?
В о е й к о в (*сквозь зубы*). Пусть едет.
С а ш а . И я поеду в Муратово! Я тоже! Не могу здесь оставаться.
В о е й к о в . Ишь как наострилась! С тобой мы еще здесь потолкуем.
М а ш а . Саше необходимо уехать.
М о й е р . У Саши расстроены нервы. Ей надо уехать.
В о е й к о в . Ах! И доктор заговорил! Теперь все в сборе.
М о й е р . Саше для здоровья необходим деревенский

воздух.
В о е й к о в . И в Дерпте воздух отменный.
М а ш а . Она здесь оставаться не может!
В о е й к о в . Ах! Заговор!
М а ш а . Он и вправду с ума сошел!
В о е й к о в . Молчи, проклятая сводница! Разврату потакаешь? Ночные свидания сестре устраиваешь? Да и сама хороша. Удивляюсь я вам, Иоганн Филиппович. Я бы на вашем месте за женой лучше приглядывал.

Мойер угрожающе направляется к Воейкову.

М а ш а . Умоляю, Иоганн!
М о й е р . Да, господа, забыл вам рассказать. Вчера новому попечителю, князю Ливену, представляли профессоров. И вот... когда...
В о е й к о в . Хорошо. (*Саше*) Можешь ехать. Вы все этого хотели? Будь по-вашему. (*В сторону*.) Вот все и решилось! (*Уходит*.)

Занавес.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Комната Жуковского. Утро. Он собирается к отъезду.

Н а с т я . Василий Андреевич! К вам гости.

Уходит. Жуковский выходит вслед за ней. Слышатся голоса: «Здравствуйте! Bon matin!» Входят Жуковский, Языков и Вульф.

Жуковский. Входите. Очень рад. Могу оказию в Петербург составить. Попрощаться пришли?
Языков. И поблагодарить за вчерашнее. Кабы не вы...
Жуковский. Не я один. Всем собором выступали. Славная вышла баталия?
Вульф. Я думал — вы какой человек? Воск. А оказалось — кремь.
Жуковский. А вы, голубчик, из одной крайности — да в другую.
Языков. У нас новость, Василий Андреевич.
Жуковский. Какая?
Языков. Письмо от Пушкина. Только что Мойеру доставили. Значит, едет.
Жуковский. Встретимся с ним все-таки в Дерпте. Радостная новость. Но ведь я уезжаю. Вот незадача! А когда его ждать?
Языков. Сами не знаем.
Вульф. В письме, наверно, сказано.
Жуковский. Настя! (*Входит Настя.*) Передай Иоганну Филипповичу мою нижайшую просьбу. Пусть сейчас заглянет ко мне, если не занят. (*Настя уходит.*) А вы, я вижу, чем-то взволнованы?
Языков. Для побега все готово. Не сорвалось бы!
Жуковский. Об этом не беспокойтесь.
Вульф. Почему?
Жуковский. Tout simplement. Побега не будет. Пушкин не побежит.
Вульф. Откажется?
Языков. Вернется в Михайловское?
Жуковский. Вернется. Представьте себе.
Вульф. Да он там заживо похоронен. В каждом письме:

«Михайловское душно для меня...»..
Языков. Вокруг — ни души. Пустыня.
Жуковский. Не такая уж и пустыня. Тригорское рядом.
Языков. Дамский мирок.
Жуковский. Он к прекрасному полу вполне расположен.
Языков (*смотрит в окно*). Карету подали, Василий Андреевич...
Жуковский. Вижу. (*Разводит руками.*) Пока ясности не будет — не поеду. А хлопоты ваши и тревоги, моему, напрасны...
Вульф. Но он мечтает о побеге. Во сне видит.
Жуковский. Ведь это — Пушкин. Мысленно он уже сто побегов совершил. И в крепости побывал. И в Соловецком монастыре. Мысленно.
Языков. А нам известно — он в Петербург раз совсем уж собрался.
Жуковский. Так то в Петербург. (*Смотрят в окно.*) Чемоданы понесли. Куда это Настя подевалась?
Языков. Вспомните, Василий Андреевич, под каким он гнуснейшим надзором...
Вульф. Я-то сам видел. Письма все проверяют.
Жуковский. Надзор оскорбительный. Не спорю. А какие прекрасные вещи в своей глуши написал. Какие стихи. «Онегина», «Годунова»..
Вульф. Сколько надзирающих... знаете? Иона, Рокотов, Пещуров, Адеркас...
Жуковский. Знаю. И даже, увы, Сергей Львович. Но сядет вечером за стол... перо... бумага... Муза впорхнет — и свободен!
Вульф. Хороша свобода — под палкой фельдфебеля!

Жуковский (выглядывает в окно и кричит). Чемоданы надежней закрепите!

Языков. Что с ним дальше будет... подумали? Ведь он здесь обречен.

Жуковский. Судьбу не угадаешь. Полагаю — ничего ужасного не случится. Хуже надзора не будет.

Языков. Да кабы все дело в надзоре! Вся Россия — ссылка. Все мы под надзором! Кругом — одни рабы. И не только крепостные. Здесь все рабы!

Я видел рабскую Россию.
Перед святыней алтаря,
Гремя цепями, склонивши выю,
Она молилась за царя.

Жуковский. Чьи стихи? Ваши?

Языков. Мои. Но и он бы подписался.

Жуковский. Стихи хорошие. Но какие вы горячие головы! Разве так: уже все рабы? Вот вы — раб? И таких много. Поймите... Пушкину без России невозможно. Говорите — «задыхается».. Но вне ее, без ее воздуха он ни строчки не напишет. А не писать для него — не жить. Вульф. Писали же в изгнании. Данте — «Божественную комедию», Байрон — «Дон-Жуана»..

Жуковский. А Пушкин не сможет. Не сможет. Доказать вам не могу, логических резонов не имею, но сердцем чувствую. Не сможет. (Обращаясь к Языкову.) А вы бы — предложи вам сейчас — уехали бы?

Языков. Я не в ссылке... И не под надзором...

Жуковский. А все-таки?

Языков. Об этом не думал. Не знаю... Может быть, вы и правы.

Вульф. И вы полагаете... доберись он до Дерпта... коляска у дверей... паспорта в порядке... скоро Рига... потом Кенигсберг... впереди Париж, Неаполь... и он не поедет?

Жуковский. Не поедет. Вернется в Михайловское.

Вульф. Ни за что! Готов любое пари держать! Голову даю на отсечение.

Жуковский. Голова вам еще пригодится.

Входит Мойер с письмом в руке.

Мойер. Господа! Ошибка! Пушкин не приедет! Разрешение делать операцию в Дерпте государь дать не соизволил.

Жуковский. Вот как повернулось! Ну что же! (Языкову.) Спор наш не разрешен... уж не гневайтесь...

Языков. Почему не разрешен? Разрешен! Чисто российским способом!

Жуковский. Такой способ тоже не всегда плох. Да, чуть не забыл. Передайте мое спасибо Августу. Стихи превратились в песню, высшая радость для поэта, я и мечтать не мог... Можно ехать! Настя, зови Сашу! Постараюсь быстро вернуться. До скорой встречи!

Все выходят.

Занавес.